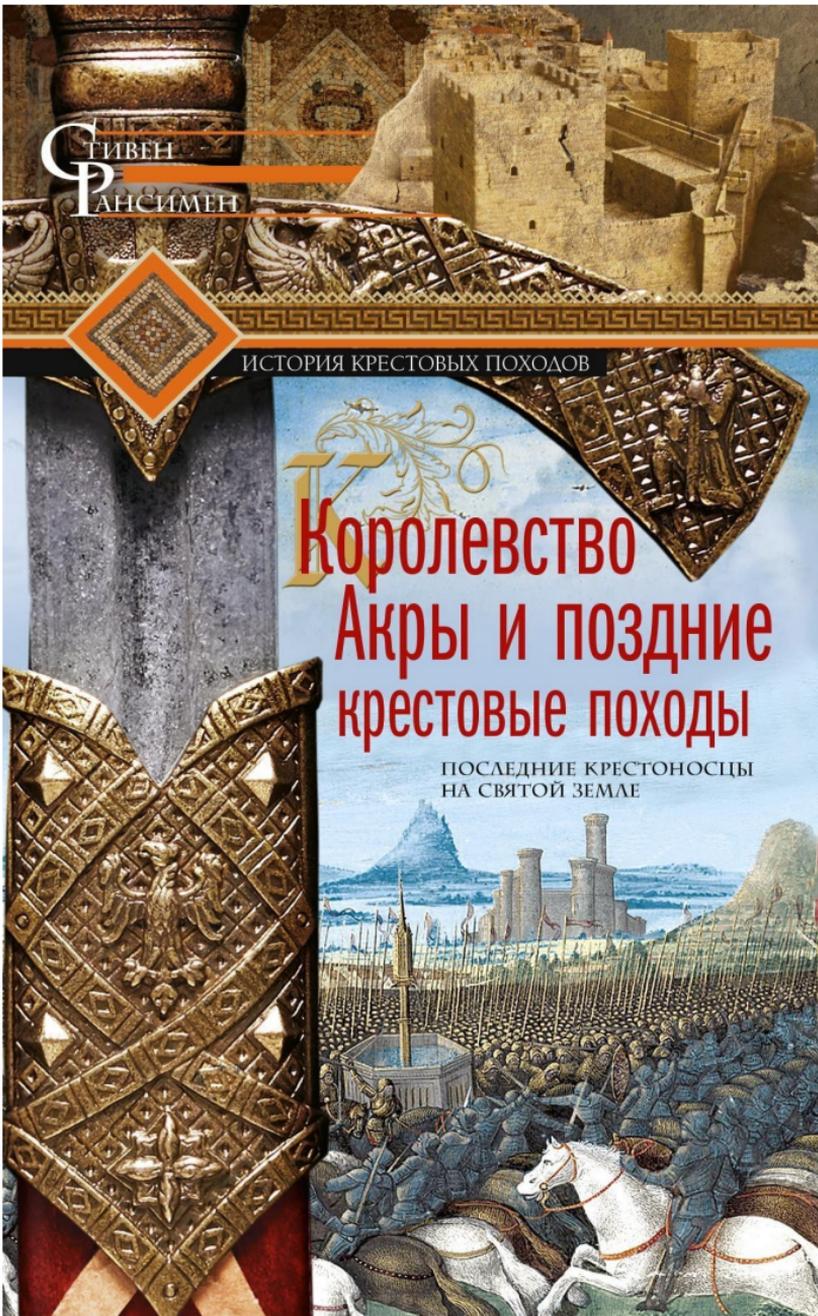

С
Т И В Е Н
Ф
А Н С И М Е Н

ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Королевство Акры и поздние крестовые походы

ПОСЛЕДНИЕ КРЕСТОНОСЦЫ
НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Стивен Рансимен

Королевство Акры и поздние крестовые походы. Последние крестоносцы на Святой земле

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63217441
Королевство Акры и поздние крестовые походы. Последние крестоносцы на Святой земле:
ISBN 978-5-9524-5473-6*

Аннотация

Книга британского историка-медиевиста Стивена Рансимена охватывает период от Третьего крестового похода конца XII века до середины XV века, когда крестоносное движение окончательно сошло на нет. Рансимен повествует о горьком столетии, последовавшем за завоеванием Иерусалима Саладином, кратком периоде возрождения франкских государств Утремера и падении Акры, последнего оплота христиан на Востоке. Историк также рассказывает о последних крестовых походах, которым удалось или не удалось достичь стен Иерусалима, а также о приходе к власти мамлюков и появлении монголов на Святой земле. В последних главах автор подводит итоги эпохи крестовых походов и дает краткий обзор ремесел и искусств в Утремере.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Стивен Рансимен
Королевство Акры и
поздние крестовые походы.
Последние крестоносцы
на Святой земле

Посвящается Кэтрин Фаррер

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф»,

2020

Часть первая

Третий крестовый поход

Глава 1

Совесть Запада

Не верили цари земли и все живущие во вселенной, чтобы враг и неприятель вошел во врата Иерусалима.

Плач Иеремии, 4: 12

Дурные вести не стоят на месте. Едва только окончилась провалом битва при Хаттине, как на Запад полетели гонцы обо всем поведать государям Европы, а вскоре за ними последовали и другие с рассказами о падении Иерусалима. Новость повергла западное христианство в ужас и оцепенение. Несмотря на все призывы, доносившиеся в последние годы из Иерусалимского королевства, никто на Западе, за исключением, быть может, Папской курии, не понимал, насколько остро стоит угроза. Ехавшие на Восток рыцари и паломники находили во франкских государствах жизнь куда более роскошную и веселую, чем та, которую они знали где-либо в своих странах. Они слушали рассказы о военных подвиги

гах, видели, как преуспевает торговля. Они были не в состоянии осознать, насколько шаткое это процветание. И вдруг, как гром среди ясного неба, явилась весть, что все погибло. Христианская рать сметена, Святой Крест, священнойшейшая реликвия христианства, в руках басурман, и сам Иерусалим потерян. За какие-то считанные месяцы рухнуло все здание франкского Востока, и, чтобы спасти хоть что-то из-под его развалин, требовалась помощь, да поскорее.

Беженцы, выжившие под обломками, сгрудились за стенами Тира, и неукротимая энергия Конрада Монферратского еще поддерживала в них самообладание. Счастливая случайность – его своевременный приезд – спасла город от капитуляции, и один за другим сеньоры, спасшиеся из когтей Саладина, стекались к нему туда и благодарностью склоняли перед ним голову. Но все они понимали, что без помощи с Запада их шансы удержать Тир весьма невелики, а шансы возвратить потерянное – ничтожны. В затишье, которое последовало за первым ударом Саладина по Тиру, когда он отправился дальше завоевывать Северную Сирию, они послали своего самого уважаемого сотоварища – тирского архиепископа Иосию – лично поведать папе и королям Запада, в каком отчаянном положении они оказались. Примерно в это же время уцелевшие члены военных орденов рассылали письма к своим западным братьям, стараясь произвести на них впечатление таким же нерадостным рассказом.

Архиепископ отплыл из Тира в конце лета 1187 года и

вскоре прибыл ко двору короля Сицилии Вильгельма II. Как оказалось, короля глубоко опечалили слухи о несчастье. Узнав обо всех подробностях, Вильгельм надел власяницу и уединился на четыре дня. Затем он составил письма монархам Европы с призывом объединиться в крестовом походе, а сам приготовился как можно скорее выслать экспедицию на Восток. В то время он как раз вел войну с византийцами. В 1185 году его войска пытались взять Фессалоники, но потерпели полное поражение, однако его военные корабли все еще крейсировали вокруг Кипра, оказывая помощь узурпатору острова Исааку Комнину, который поднял мятеж против императора Исаака Ангела. Вильгельм поспешно договорился о мире с императором, и сицилийского адмирала Маргарита из Бриндизи вызвали домой, велев ему переоснастить корабли и плыть с тремя сотнями рыцарей в Триполи. Между тем архиепископ Иосия в сопровождении сицилийского посольства добрался до Рима.

В Риме тоже в полной мере осознавали серьезность создавшегося положения, так как генуэзцы уже сообщили обо всем папскому двору. Здоровье старого папы Урбана III уже пошатнулось, и потрясение оказалось для него слишком тяжелым. 20 октября он скончался, не выдержав горя. Однако его преемник Григорий VIII сразу же разослал энциклику ко всем верным христианам Запада. В ней он рассказывал печальную историю потери Святой земли и Святого Креста. Он напомнил адресатам, что еще утрата Эдессы сорока го-

дами ранее должна была послужить предостережением. Теперь же потребуются совершить невероятный труд. Пусть же все покаются в грехах и соберут себе сокровища на небесах, принеся обеты крестоносцев. Он сулил полное отпущение грехов всем принявшим на себя крест. Они получают вечное блаженство в раю, а их земные владения будут находиться под защитой Святого престола. Заканчивалось письмо предписанием соблюдать пост каждую пятницу в течение пяти следующих лет и воздерживаться от мясной пищи по средам и субботам. А родственники самого папы и его кардиналов будут поститься еще и по понедельникам. В других отправленных из Рима посланиях всем христианским государям также повелевалось заключить перемирие на семь лет, а также сообщалось, что все кардиналы одними из первых обязались стать крестоносцами нового похода. Подобно странствующим проповедникам, они поведут христианские армии в Палестину.

Папа Григорий не увидел результатов своих стараний. Он испустил дух в Пизе 17 декабря, пронесив папскую тиару всего два месяца, и оставил заканчивать свое дело епископу Палестрины, избранному два дня спустя под именем Климент III. Пока Климент торопился установить контакт с могущественнейшим монархом Запада – императором Фридрихом Барбароссой, архиепископ Тирский двинулся через Альпы на встречу с королями Франции и Англии.

Вести о его миссии бежали впереди него. Престарелый

антиохийский патриарх Эмери написал королю Генриху II о постигших Восток бедах и послал его с епископом Баньяса, и прежде чем Иосия Тирский успел прибыть во Францию, старший из сыновей Генриха, еще остававшихся в живых, Ричард, граф Пуату, принес обет крестоносца. Сам Генрих в течение многих лет, но без особого энтузиазма вел войну с Филиппом Августом, королем Франции. В январе 1188 года Иосия нашел двух королей в Жизоре¹, на границе между Нормандией и владениями французской короны, где они встретились для переговоров о перемирии. Красноречие архиепископа побудило их заключить мир и обещать как можно скорее отправиться в поход. Граф Фландрский Филипп, быть может стыдясь из-за прерванного похода десятью годами раньше, поторопился последовать их примеру, да и многие знатные сеньоры обоих королевств поклялись отправиться в Святую землю вместе со своими сюзеренами. Было решено, что армии пойдут вместе, французы наденут красные кресты, англичане – белые, а фламандцы – зеленые. Чтобы оплатить расходы на экспедицию, оба короля ввели особые налоги. В конце января в Ле-Мане собрался совет короля Генриха, чтобы распорядиться насчет уплаты «десятины Саладина» – десяти процентов с дохода, который взимался со всех мирян, подданных короля во Франции и Англии. Затем Генрих уплыл в Англию, чтобы заняться подготовкой

¹ В политическом отношении переговоры в Жизоре оказались провальными. (Здесь и далее примеч. авт., если не указано иного.)

к походу, который с пылом проповедовал архиепископ Кентерберийский Балдуин. Архиепископ Тирский отправился в обратный путь окрыленный надеждами.

Вскоре после переговоров в Жизоре Генрих написал ответ патриарху Антиохийскому, где убеждал его, что помощь скоро придет. Однако его оптимизм не оправдался. Десяти-ну Саладина кое-как собрали, несмотря на попытку рыцаря-тамплиера Гилберта из Хокстона присвоить собранные им деньги, а Вильгельм Лев, король Шотландии и вассал Генриха, вовсе оказался не в состоянии заставить своих прижизненных баронов расстаться хоть с одним пенни. Строились планы управления страной на то время, пока Генрих и его наследник будут находиться на Востоке. Но задолго до того, как армия была собрана, во Франции снова разгорелась война. Часть вассалов Ричарда взбунтовалась против него в Пуату, а в июне 1188 года он ввязался в ссору с графом Тулузским. Французский король, разгневанный нападением на своего вассала, в ответ вторгся в Берри. Генрих, в свою очередь, нагрянул на территорию Филиппа, и война тянулась все лето и осень. В январе 1189 года Ричард, который был не особенно верным сыном, объединился с Филиппом в противодействии Генриху. Бесконечная война приводила в оторопь большинство добрых христиан. Из числа собственных вассалов Филиппа графы Фландрский и Блуаский отказались поднимать оружие до тех пор, пока не начнется крестовый поход. Осенью 1188 года папа отправил к монархам еписко-

па Альбано, а после смерти епископа следующей весной – кардинала Ананьи Иоанна, чтобы приказать им заключить мир, но все напрасно. Архиепископ Кентерберийский Балдуин добился не большего успеха. Все первые недели лета Филипп и Ричард успешно вторгались во французские владения Генриха. 3 июля Филипп взял укрепленный город Тур, а на следующий день Генрих, уже безнадежно больной, согласился на унижительные условия мира. Два дня спустя, 6 июля, еще до ратификации условий, он скончался в Шиноне.

Уход с арены старого короля разрядил обстановку. Едва ли он когда-либо всерьез думал отправиться в крестовый поход. Однако его наследник Ричард искренне намеревался выполнить все свои обеты, и, хотя принц в силу неизбежности унаследовал отцовские разногласия с королем Филиппом, он был готов договариваться с ним на любых условиях, лишь бы они позволили ему отправиться на Восток, особенно если сам Филипп присоединится к нему в походе. Филипп со своей стороны меньше опасался Ричарда, чем прежде Генриха, и понимал, что еще дольше откладывать начало крестового похода – политически плохое решение. Они поспешно заключили договор, и Ричард отправился в Англию, чтобы короноваться и взять на себя управление страной.

Коронация состоялась 2 сентября в Вестминстере, а за нею последовали активные погромы евреев в Лондоне и Йорке. Горожане завидовали милостям, которые оказывал им покойный король, а крестоносное рвение всегда давало удоб-

ный предлог для расправы с недругами Христа. Ричард наказал погромщиков и позволил одному еврею, который согласился окреститься ради спасения собственной жизни, вернуться в прежнюю веру. Летописцев возмутили слова архиепископа Балдуина, что если б король не был божьим человеком, то лучше б ему быть человеком дьявола². Король пробыл в Англии всю осень, занимаясь реорганизацией административного аппарата и заполнением пустых епархий. После некоторых предварительных перестановок канцлером и юстициаром юга Англии стал Гийом де Лоншан, епископ города Или, а юстициаром севера и констеблем Виндзора – Гуго, епископ Даремский. Королева-мать Алиенора получила полномочия вице-регента, но она не собиралась оставаться в Англии. Брату короля Иоанну были пожалованы в лен огромные владения на юго-западе, а осмотнительный запрет на въезд в Англию в течение трех лет был поспешно снят. Также распродавались королевские имения, чтобы собрать денег. Вырученные суммы вместе с дарами и Саладиновой десятиной дали в руки королю огромные сокровища, а Вильгельм Шотландский прислал еще десять тысяч фунтов в обмен за свое освобождение от вассальной присяги английской короне и возвращение его городов Бервик и Роксбро, потерянных в царствование Генриха.

² По словам историка Гиральда Камбийского, Ричард любил рассказывать легенду о том, что является потомком анжуйской графини, которая на самом деле была феей Мелюзиной, и заключал, что, таким образом, весь его род «происходит от дьявола и вернется к дьяволу». (*Примеч. пер.*)

В ноябре Ротруд, граф Першский, прибыл из Франции сказать, что король Филипп почти закончил подготовку к походу и желает встретиться с Ричардом в Везле 1 апреля для обсуждения совместного отъезда. В конце 1188 года до французского двора добралось письмо от королевских агентов в Константинополе, гласившее, что святой отшельник Даниил предсказал, будто бы франки отвоюют Святую землю в тот год, когда праздник Благовещения придется на Пасхальное воскресенье. Это совпадение должно случиться в 1190 году. Также в письме говорилось, что Саладина тревожат ссоры между его родственниками и союзниками, даже если император Исаак ему нечестиво помогает, а еще там упоминалось о слухах, что якобы сам Саладин потерпел серьезный разгром под Антиохией. Новости, которые достигли Франции в следующем году, были не столь оптимистичны, однако стало известно, что благодаря помощи сицилийцев тамошние франки смогли предпринять наступление. Более того, император Запада Фридрих Барбаросса уже направляется на Восток. Пришло время, чтобы и короли Франции и Англии тоже тронулись в путь.

Король Ричард послушался рекомендаций советников и согласился на встречу в Везле. Он вернулся в Нормандию к Рождеству и приготовился выступить в Палестину в конце весны. В последний момент все пришлось отложить из-за внезапной смерти королевы Франции Изабеллы де Эно в начале марта. Лишь 4 июля короли снова встретились в Вез-

ле со своими рыцарями и пехотой, готовые выступить в свой священный поход.

Прошло уже три года с тех пор, как Иерусалимское королевство постигла трагедия Хаттина, и франкам на Востоке повезло, что другие крестоносцы оказались расторопнее. Своевременная помощь короля Сицилии Вильгельма спасла христианам Тир и Триполи. Вильгельм умер 18 ноября 1189 года, и его преемнику Танкреду пришлось разбираться с проблемами в собственном государстве. Но уже в сентябре к сирийскому побережью подошла армада датских и фламандских кораблей, которых, по оценкам оптимистичных летописцев, насчитывалось пять сотен, и примерно в то же время туда явился Жак, сеньор Авена, храбрейший рыцарь Фландрии. Даже не все англичане стали дожидаться, пока их король наконец-то тронется в путь. Флотилия лондонцев вышла из Темзы в августе и в следующем месяце добралась до Португалии. Там, по примеру соотечественников примерно за сорок лет до того, они временно поступили на службу к португальскому монарху, и благодаря их помощи король Саншу смог отнять у мусульман крепость Силвиш восточнее мыса Сан-Висенти. В Михайлов день³ лондонцы вошли в пролив Гибралтар. Но самую мощную рать, которая уже находилась на пути в Святую землю, вел Фридрих Барбаросса.

Фридриха глубоко тронуло известие о том, что произо-

³ Отмечается 29 сентября. (Примеч. пер.)

шло в Палестине. С тех самых пор, как он вместе со своим дядей Конрадом вернулся из злополучного Второго похода, его снедало желание снова сразиться с басурманами. К тому времени он был уже старик, ему вот-вот должно было исполниться семьдесят, и он уже тридцать пять лет правил Германией. С возрастом он ничуть не утратил ни доблести, ни обаяния, но богатый и горький опыт научил его не бросаться очертя голову в новое предприятие. Он не имел тесных личных связей с Палестиной. Очень немногие из германцев переселились туда, а из-за долгой вражды Фридриха с римскими папами правители франков не спешили обращаться к нему за помощью. Однако дом Монферрат всегда был в числе его сторонников. Возможно, на императора подействовало то, как доблестно Конрад защищал Тир. После недавней женитьбы его наследника Генриха на сицилийской принцессе Констанции он оказался в тесной связке с южными нормандцами. Смерть папы Урбана III осенью 1187 года позволила ему примириться с Римом. Григорий VIII охотно приветствовал столь ценного союзника в деле спасения христианства, да и Климент III отнесся к нему с не меньшим дружелюбием.

Фридрих вошел в число крестоносцев в Майнце 27 марта 1188 года, приняв крест из рук кардинала Альбано. Это было четвертое воскресенье поста, называемое по интроиту⁴,

⁴ Интроит – входное песнопение, открывающее собой католическую мессу. Название происходит от его первых слов: *Laetare Hierusalem* – «Возвеселитесь с

читаемому в этот день, Laetare Hierusalem. Однако прошло больше года, прежде чем император готов был выступить на Восток. Править страной в качестве регента он оставил своего сына, будущего Генриха VI. Его великий соперник в борьбе за власть в Германии, герцог Саксонии Генрих Лев, получил приказ либо уступить права на часть земель, либо отправиться вместе с походом Фридриха за собственный счет, либо уехать в изгнание на три года. Он выбрал третий вариант и поселился при дворе своего тестя, короля Англии Генриха II. Благодаря благосклонности папы в германской церкви наконец-то установился мир после долгого периода распрей. Основание нового маркграфства укрепило западную границу Германии. Пока Фридрих собирал армию, он отправил послания к монархам тех земель, по которым намеревался пройти: королю Венгрии, императору Исааку Ангелу и сельджукскому султану Кылыч-Арслану I, а также командировал посла Генриха фон Дица с заносчивым письмом к Саладину, где требовал отдать христианам всю Палестину и вызывал его на бой на поле Цоан в ноябре 1189 года. Венгерский король и сельджукский султан в ответ обещали помочь. В 1188 году византийское посольство прибыло в Нюрнберг, чтобы предметно договориться о проходе крестоносцев по территории, подвластной Исааку. Но Саладин ответил хотя и вежливо, но высокомерно. Он предложил Фридриху отпустить пленных франков и вернуть латинские аббатства в Палести-

не их настоятелям, но не более того. Иначе пусть будет война.

В начале мая 1189 года Фридрих двинулся в путь из Регенсбурга (Ратисбона). Его сопровождали средний сын Фридрих Швабский и множество знатных вассалов, и его войско – крупнейшая рать, которая когда-либо отправлялась в крестовый поход, была хорошо вооружена и дисциплинирована⁵. Король Бела III тепло встретил его и постарался всячески облегчить ему проход через Венгрию. 23 июня Фридрих переправился через Дунай у Белграда и вступил на византийскую территорию. Там начались недоразумения. Император Исаак Ангел был не из тех, кто умел вести дела с тактом, терпением и отвагой. Это был человек неглупый, но слабо-вольный, вельможа, случайно оказавшийся на троне, и он всегда остро осознавал, что у него в собственных владениях много потенциальных соперников. Император подозрительно относился ко всем своим сановникам, но не осмеливался строго ими повелевать. Ни вооруженные силы его империи, ни финансы еще не успели оправиться от напряжения, которое они вынесли в тщеславное правление Мануила Комнина. Попытки императора Андроника реформировать администрацию пошли прахом после его падения. Теперь она как никогда погрязла в коррупции. Несправедливые поборы

⁵ По оценке Арнольда Любекского на основании проведенной переписи, к моменту, когда армия пересекала реку Саву, в ней насчитывалось 50 тысяч конных и 100 тысяч пеших воинов. Германские хроники приводят округленные данные о численности всей армии – 100 тысяч человек.

вызвали беспорядки на Балканах. На Кипре Исаак Комнин поднял бунт. Киликию отняли армяне. Тюрки наступали на имперские провинции в Центральной и Юго-Западной Анатолии, а нормандцы крепко взялись за Эпир и Македонию. Разгром нормандцев был единственной военной победой в правление Исаака Ангела. В остальном же он полагался на дипломатию. К ужасу всех франков Востока, он заключил тесный союз с Саладином. Император не хотел навредить их интересам, им двигало желание обуздать сельджуков, но его случайный успех, заключавшийся в том, что иерусалимские святыни вернулись под власть православной церкви, особенно возмутил Запад. Чтобы укрепить свою власть на Балканах, император подружился с королем Венгрии Белой и в 1185 году взял в жены его юную дочь Маргариту. Но введенные по случаю брака чрезвычайные налоги стали той искрой, которая разожгла тлеющее недовольство сербов и болгар, превратив его в костер открытого восстания. Несмотря на некоторые начальные успехи, его полководцы не смогли сокрушить мятежников. Когда Фридрих явился в Белград, там, в горах на северо-востоке полуострова, уже сформировалось независимое сербское государство; и хотя византийские войска еще удерживали крепости вдоль основной дороги, ведущей к Константинополю, в глубине страны хозяйничали болгарские головорезы.

Едва германская армия успела переправиться через Дунай, как посыпались беды. Сербские и болгарские разбой-

ники нападали на отставших и заблудившихся солдат, местные крестьяне были напуганы и встречали гостей неприветливо. Германцы тут же обвинили византийцев в том, что они подстрекают вражду со стороны местных, и отказывались понимать, что Исаак просто не в силах положить ей конец. Фридрих благоразумно постарался заручиться дружбой главарей мятежников. Стефан Неманя, сербский жупан, прибыл со своим братом Страцимиром в Ниш приветствовать германского монарха, который проходил через город в июле; а вожди болгарского восстания, валашские братья Иван Асень и Петр, прислали ему письма с обещанием помощи. Известия обо всех этих переговорах вызвали вполне естественную обеспокоенность у константинопольского двора. Исаак и без того уже подозревал Фридриха в нечистых замыслах. Его прежние послы при германском дворе Иоанн Дука и Константин Кантакузин отправились встречать Фридриха, вступившего на византийскую землю, но, к ужасу их старого друга, историка Никиты Хониата, воспользовались своей миссией для того, чтобы стравить Фридриха и Исаака, которому вскоре стало известно об их происках. Пока византийцы-проводимые своими кознями раздували недоверие Фридриха к империи, уходившее еще во времена Второго крестового похода, Исаак растерял последние остатки здравого смысла. До той поры дисциплинированность германской армии и адекватная подготовка византийских властей для снабжения ее всем необходимым в дороге предот-

вращали возникновение каких-либо неприятных инцидентов. Но когда Фридрих вошел в Филиппополь и оттуда отправил посланцев в Константинополь договориться о проходе его войск в Азию, Исаак бросил его представителей в тюрьму, намереваясь держать их там в качестве заложников, чтобы Фридрих не позволял себе лишнего. Однако он страшно ошибся насчет германского императора, который немедленно послал своего сына Фридриха Швабского взять, со своей стороны, в заложники город Дидимотихон во Фракии и написал домой другому сыну, Генриху, чтобы тот снарядил флот, который бы вел действия против Византии, и получил благословение папы на крестовый поход против греков. Фридрих заявил, что пока пролив находится в чужих руках, крестоносцы ничего не добьются. Перед лицом опасности нападения на Константинополь германской армии совместно с западным флотом Исаак несколько месяцев изворачивался и в конце концов отступил и выпустил немецких посланцев. В Адрианополе заключили мир. Исаак вернул заложников Фридриху и пообещал дать корабли, если он поплывет через Дарданеллы, а не Босфор, а также снабжать его провизией во время прохода по Анатолии. Фридрих хотел продолжить путь в Палестину. Он смирил свой гнев и согласился на предложенные условия.

Германская армия двигалась по Балканам черепашьям ходом, и Фридрих был слишком осторожен, чтобы отправляться в Анатолию в зимнее время года. Он перезимовал в Ад-

рианополе, а константинопольцы дрожали от страха при одной мысли о том, что он отвергнет извинения Исаака и решит-таки идти на их город. В конце концов в марте 1190 года вся экспедиция отправилась в Галлиполи на берегу пролива Дарданеллы и при помощи византийских транспортных судов переправилась в Азию, а Исаак и его подданные вздохнули с облегчением.

От азиатского берега пролива Фридрих двинулся примерно тем же путем, которым шел Александр Македонский за полтора тысячелетия до него: пересек Граник и разлившийся Ангелокомит, пока не дошел до мощеной византийской дороги между Милетополем и современным Балыкесиром. По этой дороге он направился через Каламос к Филадельфии, где жители сначала встретили его дружелюбно, но потом пытались ограбить задние ряды его армии и поплатились за это. Фридрих добрался до Лаодикеи 27 апреля, через тридцать дней после переправы через Дарданеллы. Оттуда он двинулся вглубь страны по дороге, которой следовал Мануил в своем роковом походе к Мириокефалону; и 3 мая после стычки с тюрками миновал поле боя, где еще белели кости погибших. Теперь Фридрих оказался на территории, подвластной сельджукскому султану. Не вызывало сомнений, что Кылыч-Арслан, несмотря на все обещания, не намерен дать крестоносцам мирно пройти по его владениям. Однако величина христианской рати привела его в такой ужас, что он не пытался предпринимать каких-либо се-

рзанных действий, помимо того, что крутился вокруг нее, отлавливая отставших солдат и донимая отряды, отправленные на поиски продовольствия. Тактика сработала эффективно. Голод и жажда вместе с тюркскими стрелами вскоре начали приводить к жертвам среди крестоносцев. Обойдя оконечность гор Султан-Даг и ступив на старинную дорогу, ведущую от Филомелиона на восток, Фридрих 17 мая подошел к Конье. Султан вместе со всем своим двором заблаговременно покинул столицу, и в ходе ожесточенной битвы с сыном султана Кутб ад-Дином император на следующий день сумел пробиться в город. Он не стал надолго задерживаться в его стенах, но все же дал армии немного передохнуть в садах Мерама на его южной окраине. Шесть дней спустя он двинулся в сторону Карамана, куда и прибыл 30-го числа, а оттуда без помех повел армию через перевалы Тавра к южному побережью у Селевкийи. В то время этим портовым городом владели армяне, чей католикос поспешил письменно доложить обо всем Саладину. Дорога пролегла по труднопроходимой местности, еды не хватало, а летний зной палил нещадно.

10 июня великая рать спустилась на селевкийскую равнину и приготовилась перейти реку Каликадн и войти в город. Император ехал впереди со своей личной гвардией и спустился к воде. Что произошло потом, неясно. То ли он спрыгнул с коня, чтобы освежиться в прохладных волнах потока, а течение оказалось сильнее, чем он думал, то ли ор-

ганизм уже престарелого Фридриха не пережил внезапного шока, или, может статься, его конь поскользнулся и сбросил седока в воду, и того утянуло на дно тяжестью доспехов. К тому времени, как армия подошла к реке, тело уже вытащили из воды и уложили на берегу.

Смерть великого императора стала чудовищным ударом не только для его войск и соратников, но и для всего франкского мира. Весть о том, что он идет во главе огромной армии, воодушевила рыцарей, сражавшихся на сирийских берегах. Казалось, у него одного достаточно силы, чтобы прогнать мусульман, и, когда к нему присоединились бы армии королей Франции и Англии, которые, как было известно, вскоре намеревались отправиться на Восток, вместе они наверняка бы вернули Святую землю в руки христиан. Даже Саладин опасался, что не справится с этой объединенной мощью. Услышав о том, что Фридрих уже на пути в Константинополь, султан послал своего секретаря и будущего биографа Бахауддина в Багдад предупредить халифа ан-Насира о том, что правоверным надлежит сплотить свои силы перед лицом угрозы, и призвал к себе всех своих вассалов. Он собирал информацию о каждом шаге германской армии и ошибочно полагал, что Кылыч-Арслан тайно пособничает христианам. Когда до мусульман дошла новость о внезапной гибели Фридриха, они подумали, что это чудо Господне, совершенное ради спасения правоверных. Армию, собранную Саладином для сдерживания германцев в Северной Сирии, можно было

спокойно сократить и послать отряды для подкрепления его войск на палестинском побережье.

Исламу действительно грозила большая опасность, и Саладин был прав, видя свое спасение в смерти императора. Хотя во время нелегкого марша по Анатолии германская армия потеряла некоторое количество солдат и часть снаряжения, но все еще оставалась весьма внушительной.

Однако германцы с их странной потребностью поклоняться вождю обычно оказываются полностью деморализованы, когда остаются без своего лидера. Воины Фридриха пали духом. Герцог Швабский принял командование на себя, но при всей его храбрости ему не хватало силы отцовского характера. Одни князья решили вернуться со своими войсками в Европу, другие сели на корабли в Селевкийи или Тарсе и поплыли в Тир. Герцог с весьма поредевшей армией продолжил путь по киликийской равнине в жарком и влажном мареве лета, неся с собой тело императора, которое хранили в укусе. После некоторых колебаний армянский князь Левон решил нанести почтительный визит в немецкий лагерь. Но германские вожди не сумели надлежащим образом позаботиться о пропитании своих людей. Оставшись без императорского надзора, солдаты отбились от рук. Многие голодали, многие болели, и никто не желал подчиняться приказам. Сам герцог Швабский тяжело заболел и должен был задержаться в Киликии. Его армия продолжила путь без него, но при проходе через Сирийские ворота была атакована и понесла

тяжелые потери. Германцы, подошедшие 21 июня к Антиохии, являли собою плачевное зрелище. Фридрих, оправившись от болезни, последовал за ними несколько дней спустя.

Антиохийский князь Боэмунд радушно встретил крестоносцев. Это их и погубило. Оставшись без вождя, они совсем отчаялись и после тягот путешествия не желали отказываться от удовольствий, которыми встретила их Антиохия. Да и здоровье их не улучшилось от излишеств, которым они активно предавались. Фридрих Швабский, довольный почестями, которые оказал ему Боэмунд, и воодушевленный визитом явившегося к нему из Тира кузена Конрада Монферратского, стремился продолжить путь. Но когда в конце августа он покидал Антиохию, с ним оставалось еще меньше солдат. Да и многие франки, на помощь к которым он шел, не оценили его усилий. Все противники Конрада, зная, что Фридрих – его кузен и друг, шептались между собой, что Саладин заплатил Конраду шестьдесят тысяч безантов, чтобы увезти Фридриха из Антиохии, где он был бы гораздо полезнее для христианского дела. Вдобавок, весьма символично, труп старого императора разложился. Уксус оказался недейственным средством, и тогда гниющие останки поспешно погребли в антиохийском соборе. Но несколько костей все же вынули из тела и отправили в путь вместе с армией в тщетной надежде, что хотя бы часть Фридриха Барбароссы будет дожидаться Страшного суда в Иерусалиме. Мрачное фиаско императорского крестового похода сделало еще более насто-

тельной необходимость, чтобы короли Франции и Англии наконец-то прибыли на Восток и приняли участие в ожесточенном, смертельном состязании, которое велось на берегах Северной Палестины.

Глава 2

Акра

Вот, Я обращаю назад воинские орудия, которые в руках ваших, которыми вы сражаетесь с царем Вавилонским и с Халдеями, осаждающими вас вне стены.

Книга пророка Иеремии, 21: 4

В момент триумфа Саладин допустил одну серьезную ошибку, позволив себе устраситься перед мощными укреплениями Тира. Если бы он пошел на Тир сразу же после взятия Акры в 1187 году, то город пал бы в его руки. Но Саладин думал, что его капитуляция уже обговорена, и задержался на несколько дней. Когда он прибыл под стены Тира, Конрад Монферратский уже находился там и не желал даже слышать о сдаче. В тот момент Саладин еще не был готов вести планомерную осаду города и отправился завоевывать что-нибудь полегче. Только после падения Иерусалима в октябре он второй раз подступил к Тиру уже с большей армией и всеми своими осадными машинами. Но Конрад, который потратил все привезенные из Константинополя деньги на укрепление оборонных сооружений, уже успел усилить стены напротив узкого перешейка. После того как орудия Саладина ничего не добились, а корабли погибли, сражаясь у входа в гавань, султан снова снял осаду и распустил большую часть войск.

И прежде чем он опять явился завершить завоевание побережья, к Тиру прибыла помощь из-за моря.

Силы, отправленные Вильгельмом II с Сицилии в конце весны 1188 года, были не так уж велики, но состояли из хорошо оснащенного флота под командованием адмирала Маргарита и двухсот опытных рыцарей. Присутствие этих подкреплений заставило Саладина снять осаду с Крак-де-Шевалье в июле 1188 года и помешало ему напасть на Триполи. Теперь он был бы рад начать мирные переговоры. Некий рыцарь из Испании прибыл в Тир как раз вовремя, чтобы успеть поучаствовать в его обороне. Имя его неизвестно, но по цвету доспехов его прозвали Зеленым рыцарем. Его удаль и отвага произвели большое впечатление на Саладина, который пожелал побеседовать с ним у Триполи летом 1188 года, надеясь убедить его договориться насчет перемирия и перейти на службу к сарацинам. Но Зеленый рыцарь отвечал, что все мысли франков только о том, как возвратить свою страну, и больше их ничто не волнует, тем более что с Запада уже идет помощь. Пусть Саладин уходит из Палестины, и тогда он найдет в лице франков самых верных союзников.

Хотя Саладину не удалось добиться мира, он все же выказал свои дружеские намерения – выпустил нескольких высокопоставленных узников. У него было такое обыкновение: принуждать пленных франкских сеньоров ради получения свободы к тому, чтобы они приказывали своим гарнизонам сдать ему замки. Это был дешевый и легкий способ захва-

тывать крепости. Но его великодушие шло еще дальше. Когда Стефания, сеньора Трансиордании, не смогла уговорить свои гарнизоны в Кераке и Монреале сдаться, чтобы Саладин отпустил ее сына Онфруа де Торона, Саладин вернул его матери еще до того, как упрямые замки пали под его штурмом. Ценой за освобождение короля Ги должен был стать Аскалон. Но тамошние горожане, пристыженные эгоизмом собственного короля, отказались выполнить заключенное им соглашение. Аскалон пал, и потому королева Сибилла раз за разом писала Саладину, умоляя вернуть ей мужа. В июле 1188 года Саладин выполнил ее просьбу. Король Ги⁶ принес торжественную клятву, что вернется за море и никогда больше не поднимет оружия против мусульман, и вместе с десятью знатными соратниками, включая коннетабля Амальрика, был отпущен к королеве в Триполи. В то же время пожилой маркиз Монферратский получил позволение отправиться к своему сыну в Тир.

Великодушие Саладина беспокоило его соотечественников. Он не только позволял франкам во всех сдавшихся ему городам уезжать к соотечественникам в Тир или Триполи, но и еще больше усиливал гарнизоны этих последних христианских оплотов тем, что отпускал на волю многих пленных сеньоров. Но Саладин знал, что делает. Дипломатическое искусство Балиана Ибелина сумело залечить междоусобные

⁶ Впоследствии Ги говорил, что исполнил клятву, так как уплыл из Тортосы на остров Руад.

распри, раздиравшие в последние годы Иерусалимское королевство, всего за несколько недель до битвы при Хаттине, но в самый канун сражения они разгорелись вновь. А разгром их только ожесточил. Сторонники Лузиньяна и Куртене обвиняли в крахе Раймунда Триполийского, а друзья Раймунда, семейства Ибелинов и Гарнье и большинство местной знати не без оснований винили во всем слабость короля Ги и влияние тамплиеров и Рено де Шатийона. Раймунд и Рено уже заплатились смертью, но раздоры продолжались. У баронов, столпившихся за стенами Тира, оставшихся без своих владений и имущества, не было других занятий, кроме как осыпать друг друга упреками. Балиан и его друзья, избежавшие плена, признали вождем Конрада Монферратского. Они понимали, что только благодаря ему Тир спасен. Но сторонники Ги, который вышел на волю уже после того, как самый страшный кризис миновал, видели в Конраде не более чем самозванца и потенциального соперника их короля. Освобождение Ги отнюдь не сплотило франков, а, напротив, вконец обострило их разногласия.

Королева Сибилла, вероятно чтобы сбежать из враждебной ее мужу обстановки, вернулась в Триполи. После смерти Раймунда осенью 1187 года Триполи перешел к молодому сыну его кузена Боэмунду Антиохийскому; и Боэмунд, человек добродушный и беспечный и, может быть, довольный тем, что гарнизон в Триполи получил подкрепление, не возражал, когда вокруг Сибиллы собрались сторонники Лузи-

ньяна. Ги присоединился к ней, как только оказался на свободе, после чего ему сразу же нашли святого отца, который и освободил его от данной Саладину клятвы. Ведь он принес ее под принуждением, да еще и какому-то нехристю. Поэтому клятва не имеет силы, постановила церковь. Узнав об этом, Саладин разгневался, но едва ли сильно удивился. Ги побывал в Антиохии, где Боэмунд расплывчато обещал ему помощь, и затем со сторонниками отправился из Триполи в Тир, намереваясь взять в свои руки управление тем, что еще оставалось от его прежнего королевства. Но Конрад закрыл ворота перед его носом. По мнению сторонников Конрада, Ги потерял свое королевство при Хаттине и когда попал в плен. Ги оставил его без правительства, и все было бы потеряно, если бы не вмешался Конрад. На требование Ги о том, чтобы его приняли как короля, Конрад ответил, что он держит Тир от лица монархов-крестоносцев, которые явятся спасать Святую землю. Император Фридрих и короли Франции и Англии должны решить, кому отдать бразды правления. Это было справедливое решение, и оно играло на руку Конраду. Английский король Ричард, будучи сюзереном Лузиньянов в Гиени, возможно, и склонялся в сторону Ги, но император и французский король Филипп были кузенами и друзьями Конрада. Ги вместе со своими сторонниками безутешно вернулся в Триполи. Франкам повезло, что в тот момент Саладин, распустив армию, занимался тем, что покорял замки на севере Сирии и что в январе 1189 года он

отправил по домам еще часть своих войск. Сам он, проведя первые месяцы года в Иерусалиме и Акре за реорганизацией управления Палестиной, в марте вернулся к себе в столицу – Дамаск.

В апреле Ги вместе с Сибиллой снова прибыл в Тир и снова потребовал отдать им власть над городом. Конрад по-прежнему не хотел уступать, и Ги встал лагерем под стенами Тира. Примерно в то же время с Запада прибыли ценные подкрепления. В момент падения Иерусалима пизанцы и генуэзцы, как обычно, находились в состоянии войны друг с другом, но среди свершений папы Григория VIII, достигнутых им за короткий понтификат, было перемирие между ними и обещание пизанцев предоставить флот для крестового похода. Пизанцы отправились в путь еще до конца года, но остановились на зимовку в Мессине. Пятьдесят два их корабля прибыли к Тиру 6 апреля 1189 года под командованием пизанского архиепископа Убальдо. Вскоре после этого Убальдо, по всей видимости, поссорился с Конрадом, и, когда объявился Ги, пизанцы примкнули к нему. Он также заручился поддержкой сицилийских подкреплений. В первые недели лета франки и мусульмане обменивались мелкими ударами. Но Саладин все еще хотел дать отдых своим армиям, а христиане поджидали новую помощь с Запада. В конце августа король Ги внезапно снялся с лагеря и вместе с соратниками отправился в поход на юг по приморской дороге, чтобы атаковать Акру, и его сопровождали пизанские и си-

цилийские корабли.

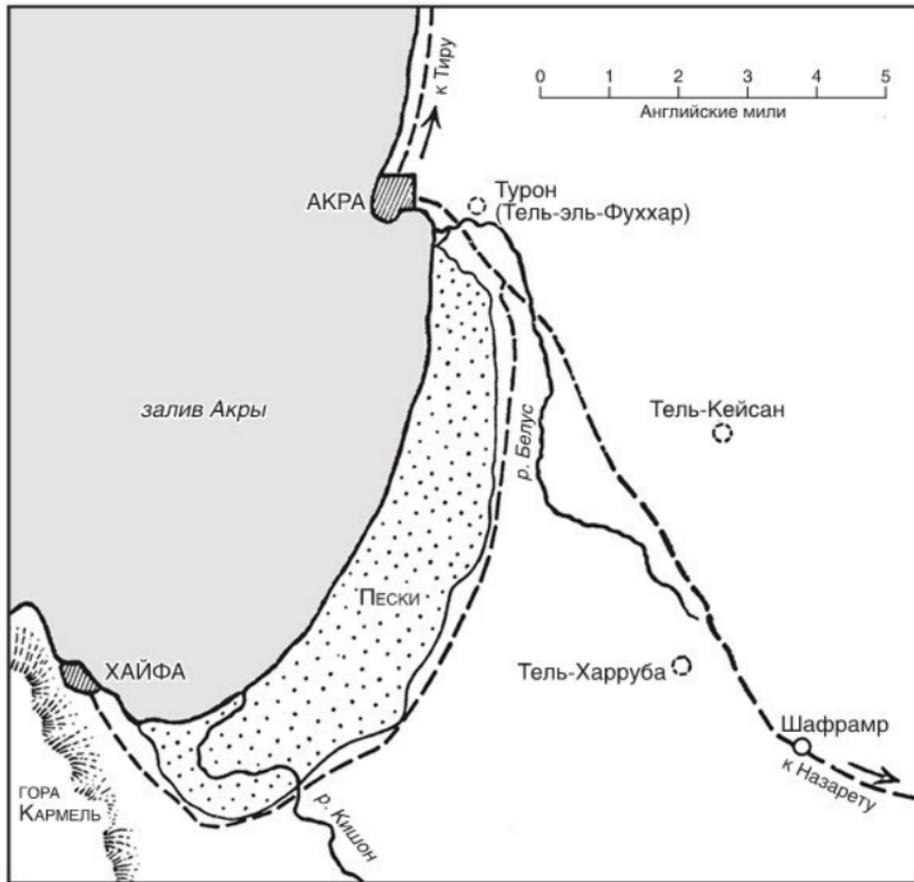
Это был шаг отчаянного безрассудства, решение храброго, но очень неразумного человека. Его расчет править в Тире не оправдался, и Ги срочно требовался город, откуда он мог бы приступить к восстановлению своего королевства. Конрад в то время слег с тяжелой болезнью, и Ги представилось, что это удачный момент показать, что именно он является действенным вождем франков. Однако он шел на чудовищный риск. Численность мусульманского гарнизона в Акре более чем вдвое превышала величину всей армии Ги, да и регулярные силы Саладина стояли неподалеку. Никто не мог предвидеть, что авантюра окажется успешной. Но порой история устраивает сюрпризы. Если безжалостная энергия Конрада спасла остатки Палестины для христианства, то лихое безумство Ги обратило волну вспять и положило начало эпохе отвоевания.

Когда до Саладина дошли известия о походе Ги, он находился в горах за Сидоном, где осаждал замок Бофор. Замок, гнездившийся на высоком утесе над рекою Литани, принадлежал Рено Сидонскому и до той поры избегал опасностей благодаря хитрости своего сеньора. Рено поехал к Саладину и покорила султана и его свиту глубоким пониманием арабской литературы и интересом к исламу. Он намекнул, что со временем даже примет мусульманскую веру и переселится в Дамаск. Но шли месяцы, и ничего не происходило, кроме разве того, что фортификации в Бофоре постоянно укрепля-

лись. Наконец в начале августа Саладин сказал, что пришло время Рено доказать серьезность своих намерений и сдать ему Бофор. Рено под конвоем привели к воротам замка, и там он по-арабски приказал командиру гарнизона сдаться, а по-французски – сопротивляться. Арабы раскусили уловку, но не сумели взять замок приступом. Пока Саладин сводил свои силы, намереваясь взять его в кольцо, Рено бросили в дамасскую тюрьму. Сначала Саладин решил, что поход Ги имеет целью отвлечь сарацинскую армию от Бофора, но шпионы вскоре донесли ему, что целью Ги была Акра. Тогда он решил атаковать франков в тот момент, когда они будут подниматься по Тирской лестнице или мысу Эн-Накура. Но советники не согласились с ним. Лучше, сказали они, дать им дойти до Акры и поймать в западню между тамошним гарнизоном и основной армией султана. Саладин, которому в то время нездоровилось, проявил слабость и поддался на уговоры.

Ги подошел к Акре 28 августа и разбил лагерь на горе Турон, современной Тель-эль-Фуххар, в миле восточнее города у речушки Нааман (Белос), которая снабжала его армию водой. Его первая попытка взять город штурмом три дня спустя провалилась, и тогда он устроился там в ожидании подкреплений. Акра стояла на небольшом полуострове, который выдавался в Хайфский залив. С юга и запада ее защищало море и мощный волнолом. Разрушенная дамба шла на юго-восток к скале, увенчанной фортом, который называл-

ся Мушиной башней. За дамбой располагалась гавань, укрытая от всего, кроме ветра с берега. Север и восток города защищали мощные стены, которые встречались под прямым углом у форта, называвшегося Проклятой башней, на северо-восточном углу. С обоих концов стены у берега находилось двое наземных ворот. Крупные морские ворота открывались в гавань, а вторые – на якорную стоянку, открытую для преобладающего западного ветра. При франкских королях Акра была богатейшим городом королевства и их любимой резиденцией. Саладин часто приезжал туда в последние месяцы и тщательно позаботился о том, чтобы исправить весь ущерб, нанесенный его войсками при взятии города. Теперь это была мощная крепость с хорошим гарнизоном и запасами всего необходимого, готовая к долгому сопротивлению.

Окрестности Акры в 1189 году

Подкрепления начали прибывать с Запада в начале сентября. Сначала подошел большой флот данов и фризоров, недисциплинированных вояк, но превосходных моряков, чьи галеры были неоценимы с точки зрения блокирования города с моря, особенно после того, как в ноябре в связи со

смертью Вильгельма II ушла его сицилийская эскадра. Через несколько дней корабли из Италии доставили контингент фламандцев и французов под началом доблестного рыцаря Жака д'Авена, графов Бара, Бриенна и Дре, а также бовезского епископа Филиппа. Еще до конца месяца прибыла партия германцев под командованием Людвига, маркграфа Тюрингского, который предпочел отправиться со своими людьми по морю, а не сопровождать императора. С ним были граф Гелдерна и группа итальянцев во главе с Герардом, архиепископом Равеннским, и епископом Веронским.

Новоприбывшие встревожили Саладина, который снова начал собирать вассалов и пришел с частью армии от Бофора, оставив там небольшой отряд закончить начатое и взять замок. Он атаковал лагерь Ги де Лузиньяна, но безуспешно, однако его племяннику Таки удалось прорваться в обход франкских рядов и установить связь гарнизоном у северных ворот города. Сам он поставил лагерь чуть восточнее христианского. Вскоре франки решили, что у них достаточно сил для наступления. Людвиг Тюрингский, проходя через Тир, сумел уговорить Конрада Монферратского присоединиться к армии франков, при условии что ему не придется служить под началом Ги. 4 октября, укрепив свой лагерь, оставленный под командованием Готфрида, брата Ги, франки пошли в мощное наступление на ряды Саладина. Состоялась ожесточенная битва. Таки на правом фланге сарацин отступил, чтобы заманить противостоявших ему тамплиеров, но сам

Саладин был обманут его маневром и ослабил центр, чтобы прийти на помощь к племяннику. В итоге правый фланг и центр арабов были обращены в бегство с тяжелыми потерями, некоторые из конных воинов не выпускали из рук поводьев до тех пор, пока не доскакали до Тивериады. Граф Бриеннский даже ворвался в палатку самого султана. Но левый фланг сарацин остался невредим, и, когда христиане нарушили боевой порядок, преследуя бегущих врагов, Саладин послал его в атаку и в беспорядке отбросил франков к их лагерю, на который в то же время обрушился гарнизон Акры, сделавший вылазку. Готфрид де Лузиньян стоял твердо, и вскоре большая часть христианской армии благополучно скрылась за укреплениями, где Саладин не рискнул их атаковать. Многие франкские рыцари пали на поле боя, включая и Андре Бриеннского. Германские войска запаниковали и понесли тяжелые потери, также велико было число погибших среди тамплиеров. Их Великий магистр Жерар де Ридфор – злой гений Ги де Лузиньяна перед Хаттином – был схвачен и заплатил за свое безрассудство жизнью. Сам Конрад едва избежал плена благодаря отважному вмешательству его соперника короля Ги.

Победу одержали мусульмане, но она была не полной. Они не выбили христиан с их позиций, а осенью с Запада пришла новая помощь. В ноябре прибыл лондонский флот, ободренный своим успехом в Португалии⁷. Летописцы рассказывают

⁷ Itinerarium говорит, что флот прибыл в сентябре. Однако, если верны даты,

и о множестве других крестоносцев из числа французской, фламандской, итальянской и даже венгерской и датской знати. Многие западные рыцари не пожелали дожидаться своих нерасторопных сюзеренов. Благодаря этой поддержке франки смогли завершить блокаду Акры с суши. Но к Саладину тоже подходили подкрепления. Новости о походе императора Фридриха, вдохновившие христиан, заставили султана призвать вассалов со всей Азии, и он даже написал мусульманам в Марокко и Испанию, что если западное христианство посылает своих рыцарей сражаться за Святую землю, то и западный ислам должен последовать их примеру. В ответах ему посочувствовали, но почти не прислали никакой реальной помощи. Тем не менее армия Саладина вскоре уже была достаточно велика, чтобы и он, в свою очередь, смог практически полностью взять крестоносцев в кольцо. Осаждающие сами оказались в осаде. 31 октября пятьдесят галер Саладина пробились сквозь заслон франкского флота и, хотя и лишились нескольких кораблей, доставили провиант и боеприпасы в Акру, а 26 декабря еще более крупная армада из Египта восстановила сообщение с гаванью.

На протяжении всей зимы армии стояли друг против друга, не осмеливаясь дать противнику решительный бой. Бывали отдельные стычки и поединки, но в то же время все чаще случалось и братание. Рыцари с обеих сторон мало-помалу

указанные у Бенедикта и Радольфа де Дисето, ноябрь – самый ранний срок, когда корабли могли достичь Сирии.

узнавали и начали уважать друг друга. Бывало, что бой прерывался из-за того, что между его главными участниками завязывалась дружеская беседа. Вражеские армии приглашали друг друга на праздники и развлечения, которые устраивались в обоих лагерях. Как-то раз мальчишки из сарацинского лагеря вызвали христианских мальчиков на потешный поединок. Сам Саладин был известен добротой, которую выказывал к пленным христианам, а также тем, что посылал христианским правителям любезные послания и дары. Фанатики из числа его сторонников задумывались, что же стало со священной войной, которую он умолял объявить халифа; да и новоприбывшим с Запада рыцарям трудно было разобраться в том, что происходит. На первый взгляд, вражда между противными сторонами иссякла. Но обе они были твердо намерены победить!

Несмотря на все приятности, жить в христианском лагере в ту зиму было нелегко. Еды не хватало, особенно когда франки перестали контролировать море. С приближением весны появились проблемы с водой, и в лагере воцарилась антисанитария. По войскам ползли болезни. Отрезвленные тяготами, которые пали на их людей, Ги и Конрад сумели прийти к согласию. Конраду останется Тир с Бейрутом и Сидоном, когда их удастся освободить, а взамен он признает Ги иерусалимским королем. После заключения этого мира Конрад в марте покинул лагерь и в конце месяца вернулся из Тира с кораблями, нагруженными едой и боеприпасами.

Флотилия Саладина вышла из акрской гавани на перехват, но в ходе ожесточенного боя, в котором сарацинские корабли использовали греческий огонь, они все же были отброшены, и Конрад смог доставить груз. Из привезенных им материалов франки соорудили деревянные осадные башни, с помощью которых 5 мая попытались взять город приступом. Но защитники сожгли башни. Вскоре голод и болезни опять стали косить солдат в христианском лагере, и их не особенно утешало сознание того, что в Акре тоже голодают, хотя время от времени сарацинским кораблям удавалось пробиться в гавань с продовольствием. Всю весну мусульманские контингенты пополняли армию Саладина. 19 мая, в субботу после Троицы, он предпринял атаку на лагерь, которую удалось отразить только через восемь дней непрерывных сражений. Следующая масштабная битва состоялась в День святого Иакова, когда франкские солдаты под предводительством своих сержантов и против воли главных вождей храбро атаковали лагерь Таки на правом фланге Саладиновой армии. Они понесли сокрушительный разгром, и многие расстались с жизнью. Известный английский крестоносец Ральф из Альта-Рипы, архидиакон Колчестера, пошел к ним на помощь и тоже погиб.

За лето в лагерь прибыли и другие высокородные крестоносцы и были встречены с радостью, хотя каждый новый солдат означал новый рот, который нужно кормить. Среди них было немало именитейших французских и бургундских

дворян, которые поспешили на Восток вперед своего короля. Там был Тибо, граф Блуаский, и его брат Этьен Сансеррский, когда-то невольный кандидат в супруги королевы Сибиллы, Рауль, граф Клермонский, Жан, граф Фонтиньи, и Ален де Сен-Валери, а также архиепископ Безансонский и епископы Блуаский и Тульский и другие видные сановники церкви. Их предводителем был Генрих из Труа, граф Шампанский, молодой человек выдающегося происхождения, ибо его мать, дочь Алиеноры Аквитанской от ее французского брака, приходилась единокровной сестрой королю Франции и единоутробной – королю Англии; и оба его дяди были о нем высокого мнения. Он сразу же занял особое положение представителя и предвестника обоих королей. Фактически он принял командование осадными действиями, которыми до той поры руководили Жак д'Авен и ландграф Тюрингский⁸. Ландграф, который уже некоторое время был болен, вероятно малярией, воспользовался его приездом как предлогом для возвращения в Европу⁹. Фридрих Швабский с остатками армии Барбароссы прибыл под Акру в начале октября. Несколько дней спустя в Тире высадился английский контингент и подошел к Акре. Его возглавлял Балдуин,

⁸ Генрих был сыном Генриха I, графа Шампанского. Тибо Блуаский и Этьен Сансеррский были младшими братьями его отца. Сестра его отца Адель была второй женой короля Людовика VII и матерью короля Филиппа, который, таким образом, был его двоюродным братом и наполовину дядей.

⁹ Ландграф умер по дороге домой. Радульф де Дисето обвиняет его в том, что он состоял в сношениях с врагом и принимал от него деньги.

архиепископ Кентерберийский.

Все лето тянулись беспорядочные военные действия, так как обе стороны ждали подкреплений, которые позволили бы ей предпринять наступление. Падение Бофора в июле освободило людей для армии Саладина, но он послал войска на север на перехват Фридриха Барбароссы, и они вернулись не раньше зимы. Между тем стычки перемежались с братанием. Христианские летописцы самодовольно отмечают несколько инцидентов, в которых по Божьей воле сарацины были разбиты и крестоносцы были вознаграждены за свой героизм, но все попытки взять штурмом стены города провалились. Фридрих Швабский вскоре после прибытия предпринял яростную атаку, а после этого архиепископ Безансонский испытал построенный недавно стенобитный таран. И то и другое не дало никаких результатов. В ноябре крестоносцам удалось выбить Саладина с его позиций у Тель-Кейсана в 5 милях (около 80 км) от города, но он укрепился еще более основательно чуть дальше, у Тель-Харрубы. Это позволило им прорваться до Хайфы в поисках продовольствия, что несколько улучшило положение с провиантом в лагере. Но и в городе, и в обоих лагерях люди недоедали и болели. Ни той ни другой стороне не доставало сил для решающего удара.

Той осенью в числе прочих поветрие не пощадило и королеву Сибиллу. Две маленькие дочери, которых она родила королю Ги, умерли за несколько дней до нее. Теперь на-

следницей королевства стала принцесса Изабелла, и корона на голове Ги зашаталась. Он был королем, поскольку был супругом королевы. Имеет ли он право на корону после ее смерти? Уцелевшие бароны королевства во главе с Балианом Ибелином решили, что им представляется удобная возможность избавиться от столь слабого и невезучего правителя. Своим кандидатом на престол они выдвинули Конрада Монферратского. Если бы он женился на Изабелле, его притязания на корону имели бы под собой больше оснований, чем у Ги. Но этот вариант имел свои трудности. По слухам, у Конрада была жена, которая жила в Константинополе, а может быть, еще и вторая – в Италии, притом что он никогда не забивал себе голову вопросами аннулирования брака или развода. Но Константинополь и Италия далеко, и, если там и коротают свой век какие-то брошенные дамы, о них вполне можно забыть. Более насущная проблема состояла в том, что Изабелла сама была замужем – за Онфруа де Тороном, который не просто был жив-живехонек, но и собственной персоной находился в лагере. Онфруа был очаровательный молодой человек, галантный и просвещенный; но в его красоте виделось что-то слишком женственное, чтобы он пользовался уважением окружающих грубых вояк; да и бароны не забыли о том, как он позорно бросил их в 1186 году, когда Ги заполучил корону вопреки воле Балдуина IV. Они постановили, что супругов надо развести. Уговорить самого Онфруа было нетрудно. Он не годился для семейной жизни, а поли-

тическая ответственность его страшила. Но Изабелла оказалась не столь сговорчивой. Онфруа всегда был добр к ней, и она не испытывала никакого желания менять его на угрюмого ратника не первой молодости. Да и усесться на трон она вовсе не стремилась. Бароны передали дело в умелые руки ее матери, королевы Марии Комнины, жены Балиана. Она воспользовалась своей материнской властью, чтобы заставить принцессу против воли отказаться от Онфруа. После этого перед лицом собравшихся епископов она заявила, что ее дочь принудил к браку дядя Балдуин IV и ко времени помолвки ей было всего восемь лет. Ввиду ее чрезвычайной юности и всем известного женоподобия Онфруа брак следует аннулировать. Патриарх Ираклий был слишком тяжело болен, чтобы присутствовать на этом совете, и назначил своим представителем архиепископа Кентерберийского; а архиепископ, зная, что его господин король Ричард предан Лузиньянам, отказался объявить об аннулировании брака. Он сослался на прошлый брак Конрада и заявил, что женитьба Конрада на Изабелле будет двойным прелюбодеянием. Однако на сторону Конрада удалось перетянуть архиепископа Пизанского, папского легата, обещав ему, по слухам, торговые концессии для соотечественников, и епископ Бовезский, кузен короля Филиппа, воспользовался поддержкой легата, чтобы добиться общего согласия на развод Изабеллы, и сам обвенчал ее с Конрадом 24 ноября 1190 года. Сторонники Лузиньянов пришли в ярость, узнав о браке, который лишал

Ги права на трон; и эти чувства полностью разделили с ними вассалы короля Ричарда из Англии, Нормандии и Гиени. Однако архиепископ Балдуин, главный выразитель их мнения, который во гневе отлучил от церкви всех связанных с этой аферой, скоропостижно скончался 19 ноября. Английские летописцы всеми силами постарались очернить память Конрада. Сам Ги де Лузиньян дошел до того, что вызвал Конрада на поединок, но тот, зная, что теперь закон на его стороне, считал, что разговаривать тут больше не о чем. Лузиньяны могли обвинять его в трусости, но любой, кого заботило будущее королевства, понимал, что для продолжения королевской династии Изабелла должна выйти замуж и родить ребенка; и Конрад, спаситель Тира, был для нее очевидным вариантом. Новобрачные уехали в Тир, где на следующий год Изабелла родила дочь, которую называли Марией в честь ее бабушки-византийки. Точности ради надо сказать, что Конрад не пожелал брать себе титул короля до тех пор, пока его вместе с супругой не коронуют официально, но, поскольку Ги отказывался отречься от каких-либо своих прав, он уже не вернулся из Тира в лагерь¹⁰.

¹⁰ *Itinerarium* говорит, что Изабелла согласилась на свадьбу по доброй воле, а *Etoire d'Eracles* однозначно заявляет, что она согласилась лишь потому, что таков был ее политический долг. Согласие Онфруа, как говорит Эрнуль, получили с помощью подкупа. Изабелла вернула ему ленное владение Торон, которое держал еще его дед и которое Балдуин IV присоединил к королевству. Итальянская жена Конрада, вне всяких сомнений, уже умерла к тому времени, когда он женился на византийской принцессе Феодоре Ангелине (по Никите Хониату), и судя по тому, в каких словах об этом рассказывает Никита, византийская жена,

Злоключения крестоносцев не прекращались все зимние месяцы. С севера к Саладину прибыли подкрепления, и франкский лагерь был взят в плотное кольцо. По суше им не могли доставить ни крошки хлеба, да и по морю тоже – в зимние месяцы мало что можно было выгрузить на него-степриимный берег, а вот кораблям сарацин порой удавалось все же найти укрытие в акрской гавани. Среди сеньоров в христианском лагере, которых болезнь свела в гроб, были Тибо Блуаский и его брат Этьен Сансеррский. 20 января 1191 года умер Фридрих Швабский, и германские солдаты снова остались без предводителя, хотя его кузен Леопольд Австрийский, прибыв из Венеции в начале весны, все же попытался собрать их под своими знаменами¹¹. Генриха Шампанского хворь уложила в постель на долгие недели, так что уже боялись за его жизнь. Многие солдаты, особенно английские, винили Конрада в своих мучениях, потому что он бездельничал в Тире и отказывался прийти к ним на помощь. Но что бы им ни двигало, трудно понять, как он мог бы помочь, ведь в лагере хватало народу и без него! То и дело франки предпринимали попытки взобраться на стены, например 31 декабря, когда внимание гарнизона отвлек-

скорее всего, тоже уже умерла. Ги де Санлис, великий кравчий Франции, который вызвал Онфруа на дуэль в том случае, если тот будет противиться разводу, был захвачен сарацинами в вечер бракосочетания.

¹¹ Леопольд Австрийский с группой рейнландцев прибыл из Венеции после зимовки в Заре. Это был сын Генриха Австрийского, единоутробного брата отца Фридриха Барбароссы, и Феодоры Комнины.

ло крушение сарацинского корабля, доставившего припасы для города. Попытка провалилась, да и потом крестоносцы никак не смогли воспользоваться тем, что шесть дней спустя рухнула часть стены со стороны суши. Многие перебежали на сторону мусульман. Благодаря их помощи и превосходной системе шпионажа Саладину 13 февраля удалось отправить войско со свежим командиром и гарнизоном на помощь изможденным защитникам города и прорвать ряды крестоносцев. Но он и сам колебался, не решаясь начать наступление на христианский лагерь. Многие его воины держались из последних сил, и, когда прибывали подкрепления, он отсылал отряды отдохнуть. Казалось, мытарства христиан сделают за него все необходимое.

Однако в своем долготерпении он снова просчитался. Приближался Великий пост, и уже казалось, что франки на исходе сил. У них в лагере на серебряный пенни можно было купить тринадцать бобов или одно-единственное яйцо, а мешок зерна стоил сто золотых монет. Многие даже хорошие кони пошли на прокорм своим владельцам. Обычные солдаты жевали траву и глодали голые кости. Священники пытались организовать хоть какую-то помощь неимущим, но им мешала жадность пизанских торгашей, которые распоряжались основными запасами продовольствия. Но в марте, когда уже не осталось никаких надежд, к берегу подошел корабль, доверху нагруженный хлебом, и смог выгрузить свою поклажу; а так как погода улучшилась, за ним последовали и дру-

гие. Христиане были рады им вдвойне, ибо они доставили не только пищу, но и весть о том, что короли Франции и Англии наконец-то отправились в путь по восточным морям.

Глава 3

Ричард Львиное Сердце

Я приведу от севера бедствие и великую гибель. Выходит лев из своей чащи, и выступает истребитель народов.

Книга пророка Иеремии, 4: 6–7

Король Филипп II Август высадился в лагере под Акрой 20 апреля 1191 года, в субботу после Пасхи, а король Ричард – через семь недель, в субботу после Троицы. Без малого четыре года миновало со времени битвы при Хаттине и отчаянного призыва к Западу. Измученные солдаты, проливавшие кровь на палестинском побережье, так обрадовались приезду обоих королей, что простили им и забыли о том, как долго они тянули с походом. Однако, на взгляд современного историка, есть что-то безответственное в неторопливых и привередливых сборах Ричарда в путь на войну, где так остро нужна была его помощь.

А вот неторопливость короля Филиппа понять как раз нетрудно. Он не относился к идеалистам и отправился в крестовый поход исключительно из политической необходимости. Если бы Филипп не воздержался от сей богоугодной авантюры, он распрощался бы с симпатиями не только церкви, но и большинства своих подданных. Но его королевство

находилось в уязвимом положении, и он не без оснований подозревал анжуйцев в честолюбивых планах на него. Филипп не мог позволить себе покинуть Францию, прежде чем убедится в том, что его английский соперник тоже тронулся в путь. Благоразумие требовало, чтобы они выступили в поход вместе. Кроме того, нельзя было упрекнуть обоих королей и за главную задержку в связи с кончиной королевы Франции. У Ричарда тоже были свои оправдания. Смерть отца потребовала от него реорганизации королевства. Более того, Ричард, как и Филипп, намеревался плыть по морю, а в зимние месяцы этот путь был закрыт. И все-таки тот факт, что столь пылкий крестоносец так долго медлил, свидетельствует о недостатке целеустремленности и ответственности.

Характер у Ричарда был отнюдь не идеален. Природа наградила его прекрасной наружностью: высоким ростом, длинными руками и ногами и физической силой, рыжевато-золотистыми волосами и красивыми чертами лица, и от матери ему достались не только внешность династии Пуату, но и галантные манеры, обаяние, храбрость и вкус к поэзии и романам. Другим и слугам он внушал преданность и благоговение. От обоих родителей он перенял вспыльчивость и страстное своеобразие. Однако он не унаследовал ни политической дальновидности или административной компетентности отца, ни здравого смысла королевы Алионоры. Он вырос в атмосфере семейных ссор и вероломства со стороны родственников. Будучи любимчиком матери, он ненавидел

отца и не доверял его братьям, хотя и любил младшую сестру Иоанну (Джоанну). С возрастом он стал пылким, но непостоянным в своих симпатиях. Он был корыстолюбив, но все же способен на великодушные поступки, и ему нравилось пускать пыль в глаза. Он обладал безграничной энергией, но в своей горячечной устремленности к ближайшей цели забывал о других обязательствах. Он любил организовывать, но управление наскучивало ему. Лишь искусство войны могло надолго удержать его внимание. Он обладал истинными воинскими талантами, чувством стратегии и тактики, а также умением повелевать людьми. В то время ему было тридцать три, он находился в самом расцвете жизни и являл собой блестящую фигуру, чья слава добралась до Востока раньше, чем он сам.

Король Филипп Август был совершенно иным человеком. Он был на восемь лет младше Ричарда, но царствовал уже более десяти лет, и нелегкий опыт сделал его мудрым. Наружностью он был не ровня Ричарду. Филипп был хорошо сложен и густоволос, но слеп на один глаз. Личной смелостью он не отличался. Несмотря на себялюбие и холерический темперамент, он умел скрывать свои страсти. Он не любил показухи – ни эмоциональной, ни материальной.

Двор его был скучен и строг. Филиппа не волновало искусство, да и глубокой образованностью он не отличался, хотя осознавал пользу ученых людей и стремился заручиться их дружбой из политических соображений, а удерживал ее

благодаря остроумию и умению поддерживать содержательную беседу. Как политик он был терпелив и наблюдателен, хитер, вероломен и беспринципен. Но при этом его отличало сильнейшее чувство долга и ответственности. Несмотря на всю мелочность по отношению к себе самому и своим друзьям, он был щедр к беднякам и защищал их от угнетателей. Это был малопривлекательный и малосимпатичный человек, но хороший король. Среди франков Востока он пользовался особым авторитетом, ибо он был сюзереном аристократических родов, из которых они в большинстве своем и происходили; и большинство прибывающих на Восток крестоносцев прямо или косвенно принадлежали к числу его вассалов. Но им больше был по сердцу Ричард с его отвагой, рыцарской удалью и обаянием; а сарацинам Ричард казался более благородным, богатым и великим из двух монархов.

Короли вместе двинулись в путь из Везле 4 июля 1190 года. Ричард послал английский флот вперед, который должен был обогнуть Испанию и встретиться с ним в Марселе, но почти все сухопутные войска, набранные в его владениях, были вместе с ним. Армия Филиппа была не столь многочисленна, так как многие из его вассалов уже отправились на Восток. Французская армия, по пятам за которой следовала английская, выступила из Везле в Лион. Там, после того как французы перешли через Рону, мост рухнул под тяжестью английских полчищ. Многие погибли, и произошла небольшая задержка, пока смогли организовать транспорт. Вскоре

после ухода из Лиона пути королей разошлись. Филипп двинулся на юго-восток через предгорья Альп, чтобы выйти к побережью у Ниццы и затем направиться вдоль моря к Генуе, где его ждали корабли. Целью Ричарда был Марсель, где 22 августа к нему присоединился английский флот. Его плавание было ничем не примечательным, не считая того, что в июне моряки ненадолго задержались в Португалии, где помогали королю Саншу отразить вторжение императора Марокко. Из Марселя часть соратников Ричарда под началом Балдуина Кентерберийского напрямик отправились в Палестину по морю, но основная армия на нескольких караванах судов отправилась в сицилийскую Мессину, где предполагалось снова соединиться с французами.

По предложению короля Сицилии Вильгельма II Ричард и Филипп, еще планируя совместный поход, решили собрать свои силы у него на острове. Однако в ноябре 1189 года король Вильгельм умер. Он был женат на сестре Ричарда Иоанне, но брак их был бездетным, и наследником стала его тетьа Констанция, жена Генриха Гогенштауфена, старшего сына Фридриха Барбароссы. Многим сицилийцам мысль о правителе-немце была ненавистна. Благодаря небольшой интриге при поддержке папы Климента III, которого тревожили перспективы того, что Гогенштауфены возьмут под контроль Южную Италию, на трон вместо Констанции и Генриха уселся незаконнорожденный кузен покойного короля – Танкред, граф Лечче. Танкред, некрасивый, низкорослый и ничем не

примечательный человек, почти сразу же оказался в гуще многочисленных проблем. На Сицилии подняли мятеж мусульмане, а германцы вторглись в его земли на материке; и избравшие его вассалы уже начали жалеть о своем выборе. Танкреду пришлось отозвать своих людей и корабли из Палестины, и с их помощью он разделался со своими врагами. Но хотя он был готов со всеми почестями принять королей-крестоносцев и снабдить их продовольствием, он не имел возможности сопровождать их в крестовый поход.

Король Филипп выехал из Генуи в конце августа и после легкого путешествия вдоль итальянского побережья прибыл в Мессину 14 сентября. Ненавидя помпу, он постарался войти в город как можно незаметнее, но по приказу Танкреда его приняли с пышностью и поселили в тамошнем королевском дворце. Король Ричард решил от Марселя идти по суше. Видимо, ему не нравились морские путешествия – наверняка из-за морской болезни. Его корабли доставили армию в Мессину и стали якорем у гавани в ожидании короля, а он с небольшим эскортом отправился по прибрежной дороге через Геную, Пизу и Остию в Салерно. Там он дождал новостей о прибытии его флота в Мессину и уже тогда, по всей видимости, послал большую часть своего сопровождения на кораблях в Мессину подготовить его прибытие. Сам он продолжил путь верхом всего с одним слугой. Проезжая мимо калабрийского городка Милето, он пытался украсть сокола из дома какого-то крестьянина, и разгне-

ванные горожане чуть не избили его до смерти. Поэтому он пребывал в чрезвычайно дурном расположении духа, когда день или два спустя добрался до Мессинского пролива. Люди Ричарда встретили его на итальянском побережье и с помпой доставили в Мессину, где он высадился 3 сентября. Великолепная пышность его прибытия резко контрастировала со скромным приездом Филиппа.

Проезжая по Италии, Ричард узнал многое такое, что настроило его против Танкреда. Его сестру, вдовую королеву Иоанну, держали в заключении и не отдавали ей имущества, которое ей причиталось. Она обладала некоторым влиянием в королевстве, и Танкред ей явно не доверял. Более того, Вильгельм II оставил большое наследство своему тестю Генриху II, состоявшее из золотой утвари и позолоченной мебели, шелкового шатра, двух снаряженных галер и множества мешков с провизией. Поскольку Генрих умер, Танкред предполагал оставить все это себе. Из Салерно Ричард послал к Танкреду требование освободить его сестру и отдать ее приданое и наследство. Эти притязания, за которыми пришло известие о том, как Ричард вел себя в Калабрии, испугали Танкреда. Он позаботился о том, чтобы Ричарда поселили во дворце за стенами Мессины, но ради того, чтобы угодить ему, прислал Иоанну с королевским эскортом к брату и начал переговоры насчет денежных выплат вместо приданого и наследства. Король Филипп, которого Ричард навестил через два дня после приезда, предложил свои дружес-

ские услуги, и, когда королева Иоанна заехала выразить ему свое уважение, он принял ее столь радушно, что все ожидали вот-вот услышать об их предстоящей свадьбе. Но Ричард был не в настроении мириться. Первым делом он послал отряд через пролив, чтобы занять город Багнару на калабрийском побережье, и водворил свою сестру туда. Затем он атаковал небольшой остров у самой Мессины, где находился греческий монастырь. Монахов самым грубым образом выгнали оттуда, чтобы дать место его войскам. Отношение Ричарда к святой братии привело в ужас жителей Мессины, в основном греков, а состоятельные горожане были крайне разгневаны поведением английских солдат по отношению к их женам и дочерям.

3 октября из-за ссоры в пригороде между какой-то английской солдатней и группой горожан разгорелся бунт. По городу разлетелся слух, что Ричард собирается завоевать всю Сицилию, и ворота города закрылись перед его людьми. Английские корабли попытались пробиться в гавань, но их отразили. Король Филипп поспешно вызвал архиепископа Мессины, адмирала Танкреда Маргарита и других находившихся в городе сицилийских дворян к себе во дворец и на следующее утро вместе с ними отправился умиротворять Ричарда в его резиденции за стенами. В тот самый момент, когда, казалось бы, они вот-вот о чем-то договорятся, Ричард услышал, что несколько горожан собрались на холме за окнами и выкрикивают оскорбления в его адрес. В ярости он

вышел из зала и приказал войскам снова на них напасть. На этот раз мессинцев удалось застать врасплох. За несколько часов англичане захватили Мессину и разграбили все кварталы, кроме улиц близ дворца, где разместился король Филипп. Маргарит и другие видные дворяне едва успели бежать из города вместе со своими домочадцами. Их дома захватил Ричард. Сицилийский флот, стоявший на якоре в гавани, сожгли. К полудню штандарт Плантагенетов взвился над городом.

На этом воинственный пыл Ричарда не утих. Хоть он и согласился, чтобы штандарт короля Филиппа развевался рядом с его флагом, он заставил горожан дать ему заложников, чтобы их повелитель вел себя как следует, и объявил, что готов завоевать всю провинцию. Между тем он построил огромный деревянный форт под самыми стенами города и дал ему оскорбительное название Матегрифон – «Узда для греков».

Филиппа встревожило это проявление вспыльчивости его соперника. Он послал своего кузена герцога Бургундского найти короля Танкреда в Катании, чтобы предупредить его о намерениях Ричарда и предложить помощь, если случится что похуже. Танкред оказался в трудной ситуации.

Он знал, что Генрих Гогенштауфен вот-вот собирается вторгнуться в его земли, и еще он знал, что не может доверять собственным вассалам. Он быстро все просчитал и решил, что из Ричарда получится более полезный союзник,

чем из Филиппа. Тогда у Филиппа не было нужды нападать на него, однако короли Франции поддерживали хорошие отношения с Гогенштауфенами, и точно сказать, на чьей стороне в будущем окажется Филипп, было невозможно. Ричард, с другой стороны, на тот момент представлял наибольшую опасность, но был известен нелюбовью к Гогенштауфенам, врагам его кузенов Вельфов. Поэтому Танкред отверг помощь французов и вступил в переговоры с англичанами. Он предложил Ричарду двадцать тысяч унций золота в обмен на наследство, оставленное Генриху II, и ту же сумму Иоанне взамен ее приданого.

Золото имело способность быстро укрощать гнев Ричарда. Он принял предложенное за себя и за свою сестру и, мало того, согласился на обручение его юного наследника, Артура, герцога Бретани, с одной из дочерей Танкреда. Когда затем Танкред поведал ему, что предлагал ему король Филипп, Ричард добровольно составил письменный договор, изложив в нем все условия, а поручителем при нем попросили выступить папу римского. Мир был восстановлен, и по совету архиепископа Руанского Ричард скрепя сердце вернул адмиралу Маргариту и другим именитым горожанам Мессины конфискованное у них имущество.

Так короля Филиппа перехитрили, но свое неудовольствие он оставил при себе. 8 октября, пока составлялся договор, они с Ричардом снова встретились обсудить ведение совместного крестового похода. Они определили порядок

контроля над ценами на продовольствие. Слугам не разрешалось покидать своих хозяев. Половина денег, принадлежащих каждому рыцарю, должна была пойти на нужды крестоносцев. Азартные игры запрещались для всех, кроме рыцарей и лиц духовного звания, а в случае если бы и они чрезмерно предавались играм, для них предусматривалось наказание. Долги, сделанные во время паломничества, подлежат к уплате. Духовенство одобрило правила и пообещало отлучить их нарушителей. По этим вопросам королям было нетрудно достичь согласия, но были и политические вопросы, поладить по которым было не так-то просто. После обсуждения стороны договорились поровну поделить между собой все будущие завоевания. Проблема более тонкого характера касалась сестры короля Филиппа Адели.

Эту злосчастную принцессу еще девочкой, за много лет до теперешнего похода, отослали к английскому двору, чтобы она стала женой Ричарда или другого из сыновей Генриха II. Несмотря на нежелание Ричарда вступить в предлагаемый брак, Генрих II удержал ее при себе. Вскоре пошли скверные пересуды о том, что Генрих сам завел с нею уж чересчур близкие отношения. Ричард, вообще не склонный к семейной жизни, отказался выполнять заключенный отцом договор, несмотря на неоднократные требования Филиппа. Да и мать его королева Алиенора теперь, когда смерть Генриха освободила ее от уз, не желала, чтобы ее любимый сын был связан с ненавидимой ею семьей, да еще и с женщиной,

которую она считала любовницей своего покойного супруга. Близко к сердцу принимая интересы своей родной Гие-ни, она решила женить Ричарда на принцессе Наваррской, и сын согласился с ее выбором. Итак, когда Филипп снова поставил вопрос о браке Адели, Ричард отказался и слышать о нем, а причиной выдвинул репутацию принцессы. Счастье родных Филиппа ничуть не волновало. Он никогда не вмешивался и ради того, чтобы помочь своей другой сестре – Анне (Агнессе), несчастной вдове византийского императора Алексея II. Но такое оскорбление ему трудно было снести. Его отношения с Ричардом стали еще холоднее, и он решил больше не медлить и отбыть из Мессины на Восток. Однако через день после отплытия из-за сильной бури ему пришлось вернуться на Сицилию. Поскольку уже стояла середина октября, он посчитал, что разумнее перезимовать в Мессине. Казалось, что с самого начала Ричард именно так и предполагал. Его договор с Танкредом был подписан не раньше 11 ноября. А Ричард тем временем написал матери и попросил ее прислать к нему на Сицилию Беренгарию Наваррскую.

Зима на Сицилии прошла довольно спокойно. В Рождество Ричард устроил в Матегрифоне роскошный пир, куда пригласил короля Франции и сицилийскую знать. Несколько дней спустя у него состоялся любопытный разговор с престарелым аббатом Кораццо Иоахимом, основателем флорского ордена. Достопочтенный святой отец растолковал ему смысл Апокалипсиса. Семь голов дракона – это, по его сло-

вам, Ирод, Нерон, Констанций, Магомет, Мельсемут (под которым он, вероятно, разумел Абд аль-Мумина, основателя движения альмохадов), Саладин и, наконец, сам Антихрист, который, как он заявил, уже родился пятнадцать лет тому назад в Риме и должен воссесть на папский престол. Легкомысленный ответ Ричарда, что в таком случае нынешний папа Климент III, которого он лично недолюбливал, пожалуй, и есть Антихрист, вызвал неодобрение Иоахима; также святой отец не согласился с ним о том, что Антихрист родится в Дановом колене в Вавилоне или Антиохии и будет править в Иерусалиме. Однако Ричарду было утешительно услышать от монаха, что он в Палестине одержит победы и что Саладин вскоре будет убит. В феврале Ричард организовал рыцарский турнир, на котором поссорился с французским рыцарем Гийомом де Барром; но Филиппу удалось их помирить. Более того, Ричард вел себя весьма корректно по отношению к Филиппу и через несколько дней даже отдал ему несколько галер, недавно прибывших из Англии. Примерно в то же время он получил известие о том, что королева Алиенора и Беренгария прибыли в Неаполь, и послал к ним эскорт, чтобы встретить и проводить в Бриндизи, так как их свита была слишком велика для Мессины, и так напрягавшей последние ресурсы, так как туда только что прибыл граф Фландрский со значительным числом слуг и войск.

Приближалась весна, и короли приготовились продолжить путь. Ричард отправился в Катанию к Танкреду, с ко-

торым они поклялись в вечной дружбе. Филипп был напуган этим альянсом и присоединился к ним в Таормине. Теперь он был готов забыть обо всех разногласиях с Ричардом и официально объявил, что тот имеет полное право жениться на ком пожелает. В такой атмосфере общего благожелательства Филипп со своими людьми отплыл из Мессины 30 марта. Как только он покинул гавань, туда прибыли королева Алиенора и принцесса Беренгария. Алиенора пробыла с сыном всего три дня и затем отправилась в Англию через Рим, чтобы кое о чем договориться для него с Папской курией. Беренгария осталась под присмотром королевы Иоанны.

В конце концов Ричард покинул Мессину 10 апреля, но перед этим разобрал крепость Матегрифон. Танкреду было жаль, что он отбывает, и не зря. В тот же самый день в Риме умер папа Климент III, а четыре дня спустя новым понтификом под именем Целестин III стал кардинал церкви Санта-Мария-ин-Козмедин. Генрих Гогенштауфен в то время находился в Риме, и первым делом нового папы, оказавшегося под давлением, стала коронация Генриха и Констанции Сицилийской императором и императрицей.

Французский флот благополучно дошел до Тира, где Филиппа тепло встретил его кузен Конрад Монферратский. Вместе с Конрадом он прибыл под Акру 20 апреля. Мусульманскую крепость сразу же взяли в более плотное кольцо. Осадная война привлекала Филиппа с его терпением и хитроумием. Он реорганизовал осадные орудия и построил де-

ревянные башни. Но попытку штурма отложили до прибытия Ричарда с его людьми.

Путешествие Ричарда оказалось не таким мирным. Шквальные ветры быстро разметали его флотилию. Сам король на один день пристал в гавани на Крите, откуда по бурным водам дошел до Родоса, где простоял десять дней, с 22 апреля по 1 мая, приходя в себя после приступа морской болезни. Между тем один из его кораблей погиб во время шторма, а еще три, включая тот, на котором плыли Иоанна и Беренгария, занесло на Кипр. Два корабля разбились у южного берега острова, но королеве Иоанне все же посчастливилось добраться до якорной стоянки у Лимасола.

Кипр уже пять лет находился под властью самопровозглашенного императора Исаака Дуки Комнина, который возглавил успешный мятеж против Византии во время вступления на трон Исаака Ангела, а свою независимость сохранял с помощью кратковременных альянсов то с сицилийцами, то с киликийскими армянами, то с Саладином. Это был человек воинственный, ненавидевший латинян и непопулярный на острове из-за чрезмерных поборов, которыми обложил местных жителей. Многие его подданные по-прежнему считали его мятежником и авантюристом. Появление крупных франкских флотов в водах у Кипра встревожило его, и он взялся решать возникшую проблему самым неразумным образом. Когда люди Ричарда с разбившихся кораблей выбрались на берег, он велел арестовать их и конфисковать все, что

удалось спасти из воды. Потом он послал гонца к кораблю королевы Иоанны и пригласил ее и Беренгарию сойти на остров. Иоанна, которая на собственном опыте успела узнать, какую ценность представляет в качестве потенциальной заложницы, отвечала, что не может покинуть корабль без разрешения своего брата; но ее просьбу позволить ей послать на берег слуг за пресной водой грубо отвергли. Более того, Исаак самолично явился в Лимасол и построил укрепления на берегу, чтобы помешать кому-либо ступить на сушу.

8 мая, через неделю после того, как Иоанна пристала у Лимасола, Ричард и его главный флот показался в виду острова. Его путешествие с Родоса проходило как нельзя хуже; и корабль, на котором плыл сам Ричарда, едва не погиб в заливе Атталии. Морская болезнь не улучшила характера Ричарда, и, услышав о том, как отнеслись к его сестре и нареченной невесте, он поклялся отомстить. Он сразу же приступил к высадке возле Лимасола и пошел приступом на город. Исаак не стал сопротивляться, а отступил в селение Килани на склонах Троодоса. Ричарда радостно встретили не только латинские торговцы, обосновавшиеся в Лимасоле, но и сами греки в своей неприязни к Исааку выказали дружелюбие к захватчикам. Поэтому Исаак объявил, что готов вступить в переговоры. Получив гарантии безопасности, он явился в Колосси и оттуда продолжил путь в лагерь Ричарда. Там он согласился уплатить компенсацию за украденное имущество, позволить английским войскам закупать прови-

зию без пошрины и послать в крестовый поход символический отряд в сто человек, хотя сам отказался покинуть остров. Также он согласился прислать Ричарду свою дочь в заложницы.

Визит Исаака в лагерь внушил ему мысль, что Ричард не так уж грозен, как ему показалось. Поэтому сразу по возвращении в Колосси он заявил, что отменяет все соглашения, и приказал Ричарду убираться с острова. Этим он допустил глупейшую ошибку. Ричард еще раньше послал корабль в Акру с сообщением о своем скором прибытии на Кипр, и 11 мая, в тот день, когда Исаак переговорил с Ричардом и вернулся в Колосси, к берегу у Лимасола пристали корабли со всеми главными крестоносцами из числа противников Конрада. Там был король Ги де Лузиньян с братом Готфридом, графом де Лузиньяном, один из главных вассалов Ричарда по Франции, там был Боэмунд Антиохийский со своим сыном Раймундом, там был князь из династии Рубенидов Левон, недавно унаследовавший своему брату Рубену, там был Онфруа де Торон, разведенный муж Изабеллы, и множество видных тамплиеров. Поскольку Филипп встал на сторону Конрада, они поспешили заручиться поддержкой Ричарда для своей стороны. Это подкрепление подтолкнуло Ричарда к тому, чтобы попытаться завоевать весь остров. Новоприбывшие, безусловно, указали ему на то, какую стратегическую ценность Кипр представляет для обороны всего сирийского побережья и какую угрозу может создать слиш-

ком тесный союз Исаака с Саладином, который нельзя было исключать. Упустить столь благоприятную возможность было бы непростительно.

12 мая Ричард с большой торжественностью обвенчался с Беренгарией в часовне Святого Георгия в Лимасоле, и епископ Эвре короновал ее королевой Англии. На следующий день прибыли остальные суда английского флота. Исаак, осознав опасность, перебрался в Фамагусту. Англичане последовали за ним туда, часть армия отправилась по суше, другая по морю. Император не пытался защитить Фамагусту, но ушел оттуда в Никосию. Пока Ричард отдыхал в Фамагусте, к нему прибыли посланцы от Филиппа и палестинских сеньоров, которые призывали скорее прибыть в Палестину. Но он сердито ответил, что не тронется с места, пока не возьмет Кипр, и особо подчеркнул важность острова для их общего дела. Одному из посланцев Филиппа, Пагану из Хайфы, пришлось тогда поехать к Исааку, чтобы еще раз попытаться его вразумить. Исаак отослал свою жену, армянскую принцессу, и дочь в замок Кирению, после чего направился к Фамагусте. Войска Ричарда встретили его у селения Тримитус и разгромили в ходе яростной стычки, в которой, по рассказам, он использовал отравленные стрелы. Исаак бежал с поля боя в Кантару; и Ричард вошел в Никосию без всякого сопротивления. Население Кипра осталось равнодушно к судьбе Исаака и было даже готово помочь захватчикам.

В Никосии Ричард заболел, и Исаак надеялся, что его че-

тыре великие северные крепости – Кантара, Буффавенто, Святой Илларион и Кирения – смогут продержаться до тех пор, пока Ричарду не надоест воевать и он не уплывет восвояси. Но король Ги, командовавший армией Ричарда, пошел на Кирению и взял ее, захватив супругу Исаака и ее дочь. Затем он осадил крепость Святого Иллариона и Буффавенто. Лишившись семьи, видя либо безразличие, либо враждебность со стороны подданных, Исаак не выдержал и безоговорочно капитулировал. Его привели к Ричарду и заковали в серебряные цепи. К концу мая уже весь остров находился в руках английского короля.

Ричард взял там громадную добычу. Своими поборами Исаак скопил огромные сокровища, а многие его дворяне покупали доброе расположение нового владыки щедрыми дарами. Вскоре Ричард со всей ясностью дал им понять, что его главным образом интересуют деньги. С каждого грека взяли налог в размере пятидесяти процентов от капитала, но взамен Ричард подтвердил законы и порядки, существовавшие во времена Мануила Комнина. Во всех замках острова он поставил латинские гарнизоны, назначил двух англичан, Ричарда Камвилльского и Роберта Тернэмского, юстициарами и поручил им административное управление Кипром, пока Ричард не решит его окончательную судьбу. Вскоре греки поняли, что рано радовались падению Исаака. Их отодвинули от правительства, а в знак своего подчинения новым господам они получили приказ сбрить бороды.

В глазах самого Ричарда завоевание Кипра представляло ценность из-за тех неожиданных богатств, которые оно ему принесло. Но на самом деле оно оказалось самым дальновидным и самым долгоживущим среди всех его свершений во время крестового похода. Закрепление франков на Кипре продлило существование их государств на материке, и их порядки на острове продержались дольше сирийских на два века. Но для греков оно стало зловещим предзнаменованием. Если крестоносцам хватило дерзости и сил аннексировать православную провинцию, что помешает им поддаться искушению и начать в скором времени священную войну против Византии, о которой они уже давно мечтали?

5 июня английский флот отплыл из Фамагусты на сирийское побережье. Император Исаак находился на борту одного из кораблей в качестве пленника под присмотром короля Ги, а его маленькую дочь отдали в свиту королеве Иоанны, где ее предполагалось приучить к западному образу жизни. Первое, что увидел король Ричард на сирийском берегу, был замок Маркаб. Завидев берег после долгого путешествия, он повернул на юг, прошел мимо Тортосы, Джебейля и Бейрута и вечером 6 июня высадился возле Тира. Гарнизон не позволил ему войти в город, действуя по приказу Филиппа и Конрада, поэтому Ричард продолжил путь по морю до Акры и по пути, к своему удовольствию, стал очевидцем того, как его корабли затопили большую сарацинскую галеру. В лагерь под Акрой король прибыл 8 июня.

В сердца изможденных осадой солдат появление Ричарда на двадцати пяти галерах вселило уверенность и надежду. Зажглись костры, празднуя его приезд, и по всему лагерю зазвучали трубы. Король Франции построил множество полезных осадных машин, включая огромную метавшую камни катапульту, которую его солдаты прозвали Злым Соседом, и приставную лестницу с крюками, названную Кошкой. По одной катапульте было у герцога Бургундского и обоих военных орденов, а еще одну построили на общие средства и назвали Праца Господня. Катапульти не без эффекта обстреливали стены, но нужен был настоящий вождь, чтобы воодушевить осаждающих на решительный бросок. Король Франции был слишком осторожен для такой роли, а другие местные князья и крестоносцы или были слишком утомлены, или не пользовались доверием. Ричард во все вдохнул новую энергию. Почти сразу же после высадки он отправил посланца с переводчиком – пленным марокканцем, которому он доверял, – в лагерь к Саладину с предложением побеседовать. Ему было любопытно посмотреть на прославленного сарацина, и он надеялся заключить мирный договор, если только сможет переговорить с врагом, столь известным своим благородством. Но Саладин осторожно ответил, что неразумно враждующим королям встречаться, пока они не подписали перемирие. Однако он готов разрешить своему брату аль-Адилю встретиться с Ричардом. Противники договорились о тех днях передышки и о том, что встреча со-

стоитя на равнине между двумя лагерями, как вдруг оба короля, французский и английский, внезапно слегли с болезнью. Этот недуг франки называли арнальдия¹², это была лихорадка, из-за которой выпадали волосы и ногти. Филиппа болезнь поразила не так сильно, а вот Ричард пролежал тяжелобольной несколько дней. Однако он руководил действиями прямо с постели, отдавал распоряжения, где поставить огромные катапульты, которые привез с собой, и приказал соорудить огромную деревянную башню вроде Матегрифона, который он построил у Мессины. Едва оправившись от болезни, он непременно захотел побывать там, где разместились его солдаты.

Саладин со своей стороны получил подкрепления в конце июня. 25-го числа прибыли армия из Синджара, а вслед за ней вскоре и свежие египетские войска и силы правителя Мосула. Эмиры Шайзара и Хамы привели свои контингенты в начале июля. Несмотря на такое увеличение сил, Саладин не смог выбить крестоносцев из их лагеря. Они использовали зимнее затишье, когда дожди размягчили почву, чтобы окружить себя земляными фортификациями, валами, защищенными рвами, которые было легко оборонять. Весь июнь и начало июля сражения велись примерно так же, как и прежде. Франкские орудия продолжали бомбардировать стены Акры, но, если они пробивали хоть мельчайшую

¹² Амбруаз зовет ее «леонарди»; вероятно, это была некая форма чесотки или язвенного гингивита, «окопного рта».

брешь и франки мчались, чтобы пробиться в нее, гарнизон давал сигнал Саладину, который сразу же начинал атаку на лагерь и таким образом оттягивал нападающих от стены. Порой происходили морские битвы. Прибытие английского и французского флота лишило сарацин господства на море, и теперь уже их кораблям редко удавалось пробиться в гавань с припасами для Акры. В осажденном городе уже заканчивалась провизия и материалы для ведения войны, и там уже начинали поговаривать о сдаче.

В христианском же лагере продолжались болезни и ссоры. Умер патриарх Ираклий, и начались интриги вокруг избрания его преемника. Не прекращался и спор из-за иерусалимской короны. Ричард поддержал короля Ги, а Филипп – Конрада. Пизанцы примкнули к Ричарду, так что, когда прибыла генуэзская флотилия, она предложила свои услуги Филиппу. Когда Филипп в конце июня запланировал яростную атаку на город, Ричард, быть может, из-за того, что еще недостаточно окреп, чтобы лично идти в бой, и потому боялся, что в случае победы не получит своей доли добычи, не разрешил своим людям участвовать в ней. В отсутствие его солдат и сторонников атака провалилась, и лишь с большим трудом крестоносцам удалось отразить контрудар Саладина по лагерю. Отношения между Ричардом и Филиппом осложнились и после смерти 1 июня Филиппа, графа Фландрского, того крестоносца поневоле 1177 года. Граф не оставил прямых наследников; и хотя король Франции имел некото-

рые основания претендовать на наследство, король Англии не желал допускать того, что такая богатая и стратегически расположенная провинция попала в руки его соперника. Когда Филипп, ссылаясь на заключенные в Мессине условия, потребовал себе половину Кипра, Ричард в ответ потребовал половину Фландрии. Ни одна сторона не стала настаивать на своем, но обе остались обиженными.

3 июля, после того как племянник Саладина Таки напрасно пытался пробиться в город, французы проделали в стене большую брешь, но были вынуждены отступить. Через восемь дней англичане и пизанцы, воспользовавшись моментом, когда другие крестоносцы трапезничали, попытали свою удачу и тоже сначала добились успеха, но в итоге были отбиты. На этот раз гарнизон уже решил отказаться от дальнейшей борьбы. 4 июля оттуда в лагерь крестоносцев явились парламентареры, но Ричард отверг их предложения, хотя в тот же самый день его посланцы побывали у Саладина с просьбой позволить им купить фрукты и снег и намеком, что они готовы обсудить условия мира. Узнав о том, что его люди в Акре уже потеряли надежду, Саладин возмутился, но обещал им немедленную помощь, однако не смог воодушевить армию на решительное наступление на христианский лагерь, которое запланировал на 5 июля. 7 июля из города приплыл человек с последней мольбой. Без его помощи гарнизон уже не мог больше держаться. Бой 11 июля стал финальным усилием осажденных. На следующий день

они предложили капитулировать, и их условия приняли. Акра сдается со всем, что в ней есть: с кораблями, военными складами и арсеналами. Двести тысяч золотых монет будут уплачены франкам, а сверх того еще четыреста лично Конраду. Мусульмане должны были освободить полторы тысячи пленных христиан, включая сотню узников высокого положения, перечисленных поименно, и вернуть Животворящий Крест. Если это будет сделано, христиане обязались сохранить жизнь защитникам города.

Пловец отправился из гавани, чтобы рассказать Саладину об условиях, ибо именно от него зависело их выполнение. Саладин пришел в ужас. Сидя у своей палатки и составляя ответ, который запрещал сдаваться на таких условиях, он увидел, как на городскими башнями взвились франкские знамена. Было уже слишком поздно. Его подчиненные договорились от его имени, и, как человек чести, он был вынужден покориться. Теперь, когда он уже ничем не мог помочь городу, он перенес свой лагерь в Шфарам на дороге в Сефорию, дальше от Акры, и, проявляя железное самообладание, принял послов от победителей-франков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.